

DR. LUMIR BARDON

DR. M. K.

ERINNERUNGEN
AN FRANZ
BARDON

RÜGGEBERG-VERLAG

WUPPERTAL 2017

ЛЮМИР БАРДОН

М. К.

ВОСПОМИНАНИЯ
О ФРАНЦЕ
БАРДОНЕ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

Валентина Деваль

КНИЖНЫЕ СЕТИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ БУТИК

МОСКВА 2022

УДК 133(437)(092)
ББК 86.4
Б24

Перевод с немецкого *Валентина Деваль*
Дизайн, верстка *Ольга Владимирова*
Иллюстрация на обложке: «Франц Бардон», 1954 год

БАРДОН, ЛЮМИР

Б24 Воспоминания о Франце Бардоне / Люмир Бардон,
д-р М. К. ; [пер. с нем.]. — М. : Издательский бутик
«Книжные Сети», 2022. — 136 с. : ил.

ISBN 978-5-6047101-9-7

Всемирно известный чешский мистик и герметист Франц (Франтишек) Бардон (1909–1958) с конца 20-х годов XX в. читал лекции в Германии и публично выступал под сценическим псевдонимом FRABATO.

В этой книге сын Франца Бардона Люмир приоткрывает нам дверь в жизнь Мастера, рассказывает о его характере и привычках, знакомит с некоторыми деталями его быта (и бытия!).

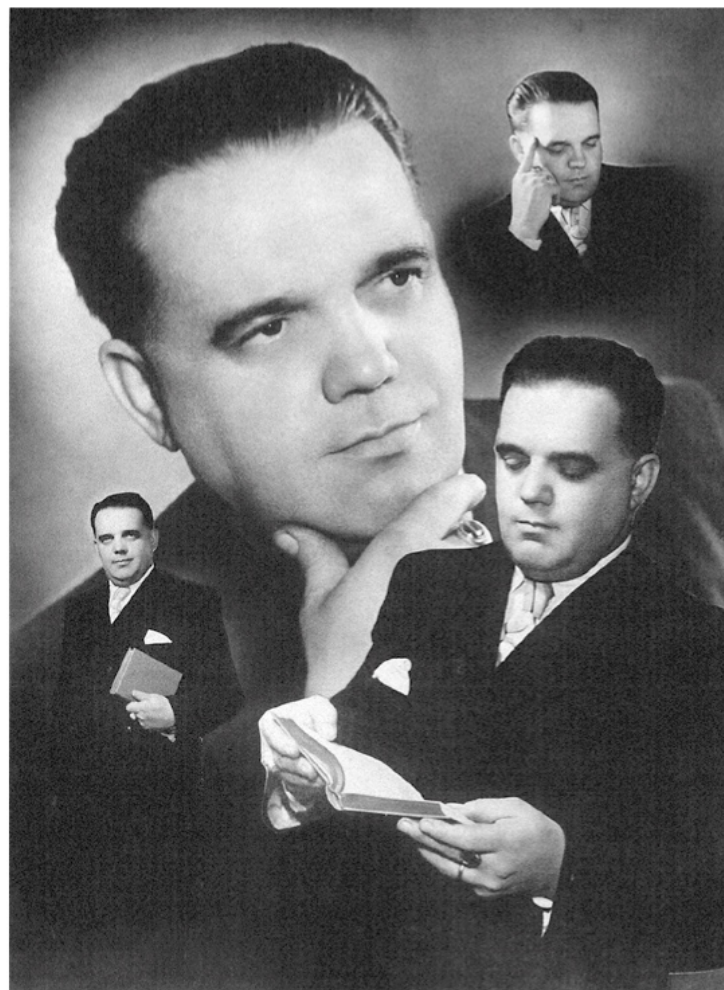
Книга включает также воспоминания о знакомстве и общении с Францем Бардоном д-ра М. К., который впоследствии стал другом и личным учеником Мастера. В записках д-ра М. К. внимательный читатель найдет ответ на вопрос, почему же Франц Бардон (без сомнения, истинный Посвященный) не применял свои способности для улучшения собственной судьбы.

ISBN 978-5-6047101-9-7

УДК 133(437)(092)
ББК 86.4

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek.
Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der
Deutschen Nationalbibliografie, detaillierte bibliografische Daten sind
im Internet über <http://dnb.dnb.de> abrufbar.

© Rüggeberg-Verlag, 1992
© Bardon's family, 2022
© ООО «Книжные Сети» (Издательский бутик «Книжные Сети»),
издание на русском языке, 2022

Франц Бардон — 1955 год

Люмир Бардон

ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ ОТЦЕ

«О, мой папа...» Так начинается немецкая песенка о клоуне, которую очень любил мой отец — Франц Бардон, и пластинку с записью которой часто слушал. Он родился 1 декабря 1909 года в чешском городке Опава, по-немецки — Троппау, и стал первенцем в семье Виктора и Хедвики, урожденной Геродковой. Дед работал тогда наладчиком станков на местной текстильной фабрике «Юта», а в свободное время занимался герметизмом. Его я совсем не помню. Дед скончался, когда мне еще не было и шести лет: упал с дерева, собирая соцветия липы. Память сохранила лишь детские впечатления о его похоронах. Это случилось во время Второй мировой войны.

Как старшему сыну Францу пришлось заботиться о младших братьях и сестрах, которых у него было двенадцать, но большинство из них умерли в детском возрасте. До совершеннолетия дожили лишь четыре сестры: Стефания, Анна, Мария и Беатрикс.

После окончания начальной школы отец пошел на курсы механиков по ремонту швейных машинок

при заводе «Минерва». Именно в этот период, как отмечается в автобиографическом романе «Фрабато», произошли поразившие наставников перемены в его характере и письме, после которых даже родной отец признал в сыне ниспосланного Божественным Провидением гуру. В молодом человеке открылся дар ясновидения, весть о котором быстро разносилась по ближнему и дальнему окружению, увеличив число друзей и знакомых. Выступая с лекциями о сверхъестественных силах, отец представлялся публике под псевдонимом «Фрабато» — сокращение от Франц (**ФРА**), Бардон (**БА**), Троппау по-немецки и Опава по-чешски (**ТО**). Кстати, о знакомстве отца с мамой. Девушка услышала о его необычном даре, и поскольку на ее руку претендовали двое парней, обратилась к Фрабато с вопросом, кто из них станет ее мужем. История известна мне из воспоминаний доктора М. К., одного из последователей отца.

Отец не хотел иметь детей, поскольку они могли помешать его занятиям. Мать же, наоборот, без детей не мыслила своего существования. Пришли к обоюдному согласию при условии, что она возьмет заботы о потомстве на себя. По расчетам известного немецкого астролога, я должен был родиться 4 февраля 1937 года. Но, вопреки прогнозам, я появился на свет 4 января, то есть недоношенным, как раз ровно на месяц. Жена одного из знакомых отца,

забеременевшая одновременно с моей матерью, родила сына именно 4 февраля 1937 года, и впоследствии у того обнаружились невероятные способности к языкам. Когда папа пришел в роддом меня проводить, акушерка захотела его разыграть и сообщила, что родилась девочка. Но он твердо знал, что мальчик. Врач родильного отделения был уверен, что я не жилец на этом свете. Кроме множества разных болезней, у меня оказалась вывернута ступня в области щиколотки. И тут преждевременные роды сыграли позитивную роль, поскольку мышцы и связки лодыжки не успели затвердеть. Отец интенсивно разрабатывал мою ногу, делая массаж с отварами лекарственных трав. Уже через месяц стопа была в правильном положении, так что даже не было заметно, какая из двух пострадала.

Детство и юность мои прошли с мамой и бабушкой в Гильшвице (по-чешски Килешовице), в пригороде Троппау/Опавы. Я плохо помню войну, несколько лучше ее конец, когда отец вернулся домой из концлагеря. Около двух недель, пока менялась ситуация на фронте, мы прятались с ним в погребе, среди свеклы и картофеля. После войны, как всякий мальчишка того времени, я собрал большую коллекцию боеприпасов и пороха. Никогда не забуду, как в моих руках сработал взрыватель артиллерийского снаряда после того, как я врезал по нему камнем. Спас меня отец, пинцетом вынул осколки из разных

частей тела. Не прошло и четырех месяцев после заживления первых ран, как я получил новые: ожоги второй степени на лице, шее и конечностях, когда я и мои товарищи пытались разжечь костер в окопе при помощи пороха. Отец снова выходил меня, делая перевязки, хоть поначалу и отказывался это делать, укоряя в том, что предыдущие ошибки меня ничему не научили.

После войны отец обосновался в Опаве. Врачей в местном госпитале, который назывался «У рыцарей», сильно не хватало, и его взяли одновременно заведующим и лекарем. Помню, что квартировал он рядом с госпиталем. Позже, уйдя с поста администратора, купил дом по улице Облоуковой, 22, в котором прожил до конца своих дней.

Переехать в Опаву, где он начал собственную практику, отец предложил и нам, но мама не хотела оставлять в Гильшвице ферму на руках одинокой бабушки. Отцу пришлось искать домработницу, которая бы занималась обустройством его быта. К деревенским занятиям в Гильшвице у него вовсе не лежала душа. Он всегда находил предлог, чтобы уклониться от помощи по хозяйству. В этом мире у отца была другая миссия.

Время от времени я навещал его, когда мать посылала за чем-нибудь в город. Приезжал туда на велосипеде. Да и отец регулярно, не менее двух раз в неделю, как правило, по средам и воскресеньям,

обедал в кругу семьи. Иногда мы все вместе ходили в кино или театр. Летом, после совместного обеда, часто бродили по окрестностям или отправлялись на экскурсию, например, в Грефенберг, в горный Есеник или еще куда-нибудь. Отец также регулярно навещал своих знакомых в Богемии, Моравии и Словакии, а некоторых из них лечил. Среди его пациентов были видные деятели искусств, известные композиторы, политики, жена одного министра и многие другие.

После войны Фрабато ездил по стране с лекциями, демонстрируя необычные трюки, заставлявшие аудиторию поверить в существование Высших Сил. Помню, как ребенком я сопровождал его на такие лекции и собирал плату за вход, когда человек, который обычно это делал, болел. Память запечатлела сцены, как отец проводит гипнотические сеансы, читает письма в закрытых конвертах, с завязанными глазами ищет спрятанные предметы и проделывает другие подобные фокусы.

Зимой отец предпочитал путешествовать поездом, а когда становилось тепло — собственным транспортом. Сначала у него был небольшой мотоцикл *Ява* с объемом в 100 кубиков, затем с объемом побольше, в 250 кубиков. После получения мною аттестата зрелости этот мотоцикл достался мне по наследству. Позже отец приобрел более мощную *Яву-350*. Некоторый период времени после войны у него

М. К.

ВОСПОМИНАНИЯ
О МАСТЕРЕ ФРАБАТО

«В о время антракта в переполненном лекционном зале дрезденского Дома земельных сословий не смолкали разговоры», — так начинается роман «Фрабато». Свидетельствую: так оно и было на самом деле — такая же лекция Мастера Фрабато состоялась в октябре 1947 года в Народном театре Остравы, где я и увидел его впервые. После выступления зашел в отель «Империал», в котором он остановился, и попросил взять меня в ученики. Мне было всего 16 лет, и Мастер сказал, что набор слушателей завершен, что я слишком молод и едва ли успел достаточно нагрешить, обзавестись вредными привычками и, следовательно, запаса прочности, необходимого для развития, пока не имею. С грустью я отправился домой. В голове не укладывалось, почему для достижения благородных целей я должен сперва окунуться в сточную канаву, чтобы затем начать очищаться.

Моя прежняя жизнь благочестивого верующего в один миг лишилась бывшего смысла. Как полагалось настоящему бойскауту, я аккуратно прищипал-

ся и исповедовался, совершал только благородные поступки — и вот выяснилось, что напрасно. После глубоких раздумий я все же в чем-то с ним согласился. Однако остался при твердом убеждении, что наверняка существует возможность постигать герметизм, не пускаясь заблаговременно во все тяжкие и не подвергаясь влиянию дурных наклонностей.

У своей знакомой, которая как раз и обратила мое внимание на Мастера Фрабато, я выведал его домашний адрес и в одну из суббот при полной оснастке отправился в Опаву. В буквальном смысле, с набитым бойскаутским рюкзаком, чтобы оттуда напрямик идти в мир. Когда домработница увидела меня — в коротких кожаных штанишках, она чуть не умерла от смеха, а я с вызовом отрекомендовался учеником Мастера. Это было сказано настолько серьезно, что Мастер сразу все понял — меня впустили. И, вероятно, чтобы найти повод поскорее от меня избавиться, Мастер дал мне первое задание.

Я должен был упражняться в умении концентрироваться: научиться удерживать внимание на цвете каждого элемента минимум 10 минут и сохранять ощущение пустоты в течение получаса, не отвлекаясь ни на какие посторонние впечатления, будь то внутренние или внешние раздражители. Если справлюсь, то смогу вернуться. На достижение нужного результата у меня ушел месяц.

Дальнейший процесс моего обучения происходил ровно так, как он описан в книге «Путь к истинному адепту». В то время книга еще не вышла, информация распространялась из уст в уста и строго конфиденциально.

Я жил довольно далеко от Опавы, поэтому о своих визитах к Учителю договаривался заранее. Встречи он назначал, как правило, по выходным. Если его домработница уезжала, мы стряпали сами: Мастер неплохо готовил. До сих пор помню его суп и жаркое из козлятины. Таких блюд мне раньше пробовать не доводилось, поэтому сперва они не вызвали большого энтузиазма. Но так как на гарнир были поданы мучные клёцки, то, мысленно отнеся обед к очередному испытанию, я даже получил некоторое удовольствие.

Дом на Облоуковой, 22, где он практиковал, сохранился по сей день. Внизу была зеленая дверь с латунной табличкой «Франтишек Бардон, графолог», которым, кстати сказать, Мастер официально являлся. В суде он значился присяжным экспертом по почерку. Когда оттуда приходили и звонили в дверь, на втором этаже открывалось окно, и Мастер кричал вниз: «Кто там, что надо?». И если истец хитрил, а он, как ясновидящий, догадывался об этом сразу, тут же сообщал об этом.

Входящих в дом уже в прихожей встречал целый букет ароматов. На веранде стояли бочонки

с бродившими внутри лекарственными травами, из которых Мастер затем создавал настойки, капли, экстракты, секретные эссенции, спагирическим способом приготовленные эликсиры. Для брожения он использовал натуральный мед, поставляемый сыном, который увлекался пчеловодством. После ферментации масса фильтровалась, перегонялась и подвергалась дальнейшей алхимической обработке. Тонкости этих процессов выходят за рамки данного повествования. «Это же так просто», — любил повторять Мастер, и сегодня я знаю, что это действительно так. Он собирался осветить эту тему в своей пятой книге *Таро*. К сожалению, из-за роковых обстоятельств, связанных с недугом г-жи Отти Вотавовой, планам не суждено было сбыться.

Мастер был настоящим целителем, что доказано примером множества вылеченных им людей. Он учился в Мюнхене, держал там настоящий экзамен. Он даже называл имя профессора, руководившего этим учебным заведением, но его я, увы, забыл. Зато у меня сохранился фотоснимок, на котором Франц Бардон в белом халате стоит среди сотрудников. К сожалению, в его время и в той стране, в которой он жил, подобное образование не признавалось.

Мне довелось быть свидетелем исцеления молодой медсестры, страдавшей рассеянным склерозом (РС), то есть недугом, считавшимся практически

неизлечимым. В октябре месяце она заболела, а уже в Новогоднюю ночь, пройдя курс лечения, танцевала с мужем до утра. В большинстве случаев Мастеру приходилось спасать бедолаг, которых обычные врачи (традиционная медицина) считали безнадежными. К нему обращались за помощью пациенты из многих стран, и постепенно он обрел известность лучшего в Европе целителя.

На этаж, где находились жилые помещения, вела деревянная лестница. Домашняя кухня была оснащена газовой плитой, рядом с которой стояла та, что топилась углем. На ней производились все процессы перегонки. Чуть дальше размещалась ванная комната.

Однажды воскресным вечером, подремав немного после горячей ванны, Учитель при мне встал с постели около полуночи, выпил чашку крепкого кофе, выкурил длинную сигарету (даже сегодня помню этот запах) и засобирался на выход: основательно оделся, взял бинокль, трость со встроенным в нее клинком, надел меховую шапку и направился в какое-то укромное место, чтобы никто не мог помешать ему создавать необходимую для ритуала атмосферу. Где именно было это место, он не говорил, только однажды упоминал о каких-то охранниках. Не знаю, когда он вернулся, потому что к тому времени я уже крепко спал. Обычно мне стелили в комнате для гостей, в которой днем была прием-

М. К.

ЗАМЕТКИ
О ГЕРМЕТИЗМЕ

Предисловие

Герметическая наука (герметизм) есть не что иное, как хобби. Она служит для самосовершенствования. Ни больше, ни меньше. И поскольку это хобби, а не обязанность или принуждение, нужно уметь получать от любимого занятия радость и, по возможности, удовольствие. Те, кто влюблен в свое дело, жертвуя каждой свободной минутой, посвящают своему хобби как можно больше времени. Кроме всего прочего, для герметизма требуется колоссальная выдержка, подкрепленная энтузиазмом и любопытством, чтобы никогда не терять присутствия духа.

Трудности не должны разочаровывать. Наоборот, им нужно радоваться, потому что они — знаки, показывающие, что Божественное Провидение поддерживает нас, дает нам шанс проверить свой характер и укрепить силы. Путем самоанализа мы должны самостоятельно определять возможные пути преодоления возникших трудностей и пытаться понять, чего нам пока еще не хватает для успеха. Как это делают спортсмены, с каждой тре-

нировкой улучшающие свои показатели. Да, уместно провести аналогию со спортсменом, который хочет, например, победить в прыжках в длину, усиленно готовится, корректирует свое питание и радуется каждому прибавленному сантиметру. Он знает, что сразу чемпионом мира ему не стать и что с первого прыжка восьми метров не преодолеть. Но он **твердо** убежден, что в один прекрасный день победит, поэтому никому **не позволяет** сбивать себя с толку сомнительными изречениями вроде: спорт бесполезен, утомителен, это пустая трата времени. Между тем, на то и хобби: разумно проводить время, вместо того, чтобы, уставившись в экран телевизора, забыть обо всем на свете. Порой это порочное занятие так затягивает, что люди едят, не отрываясь от ящика, чтобы не пропустить ни одного кадра, пусть бы даже рекламы. По свидетельству моего друга доктора Люмира Бардона, сына великого Учителя, у Мастера был телевизор, но он его никогда не смотрел.

Развивать у детей воображение и умение концентрироваться очень важно в раннем возрасте на конкретных примерах из сказок и с выводами о том, что хорошо и что плохо. Как говорил Мастер: «Хорошему нужно радоваться, а на плохом учиться».

Стремление к совершенству или желание **максимально** к нему приблизиться — это врожденное

свойство человека. Следовательно, вытекает из его предыдущей жизни и ярче всего проявляется в период полового созревания. Подросток познает себя, оценивает свои силы, и в этом процессе может пойти дальше, попытается превысить пределы собственных возможностей, преодолеть себя. Как это иногда удается пляжным волейболистам, во время тренировок привязывающим к ногам свинцовые грузы. Способ проверенный!

Благословен будет путь того, чей энтузиазм продлится до старости. Нужно учиться наполнять свою жизнь радостью и никогда не терять чувство юмора, потому что с его помощью мы достигаем большего, чем брюзжанием и ворчанием. Человек перестает играть, потому что стареет, а стареет, потому что перестает играть. Свойство ребенка воспринимать мир как великое чудо не должно теряться с годами. Не упускайте любую возможность **упиваться им вновь и вновь**. Это наша жизнь, так давайте же наслаждаться ею в полной мере, каждый миг сознательно наполняя счастьем!

С твердой убежденностью, с полной уверенностью можно утверждать, что нам не дается то, с чем мы не в силах справиться.

Что отличает герметиста? Практикующего, адепта или квалифицированного мага? Внешне ничего. Все они живут, работают, едят, спят, ведут себя, как обычные люди. Только делают они это на сто про-

Франц Бардон — 1952 год

Франц Бардон и доктор М. К. — 1953 год